

Россия и Германия

Милостивый государь! Прием, оказанный вами несколькими заметкам, которые я имел смелость адресовать к вам, а равно и очень разумный и умеренный комментарий, которым вы их снабдили, возбудил во мне странную мысль. Что бы вышло, если бы вы и я, мы попробовали бы достигнуть соглашения насчет самой сущности вопроса? Я не имею чести знать вас лично, и если пишу к вам, то обращаюсь прямо к «Всеобщей Газете» («Allgemeine Zeitung») ¹. При нынешнем положении Германии «Аугсбургская Всеобщая Газета» в моих глазах нечто более обыкновенной газеты: это первая германская политическая трибуна...

Если бы Германия имела счастье быть единою, ее правительство могло бы во многих отношениях признать это издание, как законный орган своей мысли. Вот почему я обращаюсь к вам. Я русский, милостивый государь, как я уже имел честь вам объяснить, русский сердцем и душою, глубоко преданный своей земле, в мире со своим правительством и совершенно независимый по своему положению ². Стало быть, мнение, которое я попытаюсь здесь высказать,— мнение русское, но свободное и совершенно чуждое всяких расчетов. И не опасайтесь, чтобы, в качестве русского, я ввязался, в свою очередь, в жалкую полемику, вызванную недавно одним жалким памфлетом. Нет, милостивый государь, это дело не настолько серьезно. Книга г. Кюстина ³ служит новым доказательством того умственного бесстыдства и духовного растления (отличительной черты нашего времени, особенно во Франции), благодаря которым дозволяют себе относиться к самым важным и возвышенным вопросам более нервами, чем рассудком; дерзают судить весь мир менее серьезно, чем, бывало, относились к критическому разбору водевиля. Что же касается до противников Кюстина, до так называемых защитников России, то они, конечно, искреннее его; но они уже слишком просты... Они представляются мне людьми, которые в избытке усердия в состоянии

поспешно поднять свой зонтик, чтобы предохранить от дневного света вершину Монблана!.. Нет, милостивый государь, мое письмо не будет заключать в себе апологии России. Апология России... Боже мой! Эту задачу принял на себя мастер, который выше нас всех и который, мне кажется, выполнял ее до сих пор довольно успешно. Истинный защитник России — это история; ею в течение трех столетий неустанно разрешаются в пользу России все испытания, которым подвергает она свою таинственную судьбу...

Обращаясь к вам, я намерен вести речь о вас самих, милостивый государь, о вашей собственной стране, о ее существенных, самых очевидных интересах, и если дело коснется до России, то лишь по непосредственным ее отношениям к судьбам Германии.

Я знаю, что никогда еще умы Германии не были озабочены в такой мере, как теперь, великою задачею германского единства. Итак, милостивый государь, очень ли поразил бы я вас (бдительного и передового стража), если бы сказал вам, что, среди этой всеобщей озабоченности, несколько внимательный взор мог бы уследить множество стремлений, которые, в своем дальнейшем развитии, могли бы сильно повредить делу этого единства, составляющему, по-видимому, всеобщую заботу? В особенности одно из этих стремлений, самое губительное из всех... Я не скажу ничего такого, чего бы не было в устах у каждого, а в то же время мне нельзя прибавить ни одного слова без того, чтобы не коснуться жгучих вопросов; но я сохраняю убеждение, что в наше время, как и в средние века, когда руки чисты и намерения правдивы, то можно безнаказанно касаться до всего...

Вам известен, милостивый государь, характер отношений, связывающих великие и малые правительства Германии в течение 30 лет с Рос-сиею. Я не считаю нужным спрашивать вас здесь, что думают об этих отношениях такая-то партия или такое-то направление. Тут дело идет о факте, а факт

заключается в том, что никогда эти отношения не были более доброжелательны, более тесны, что никогда не существовало более искренно-душевного единомыслия между этими государствами и Россией, Для всякого, кто стоит на почве действительности, а не витает в области фраз, очевидно, что подобная политика истинная, законная, естественная политика Германии и что ее правители, сохраняя в неприкосновенности это великое предание эпохи вашего возрождения, следовали в этом случае внушениям самого просвещенного патриотизма; но, повторяю еще раз, я не имею притязаний ни на какие чудотворные силы; я не считаю возможным внушить это мнение всему миру, в особенности тем, кто считает его для себя смертельно враждебным. К тому же здесь идет речь в настоящую минуту не о каком-либо мнении, а о факте, и этот факт, мне кажется, настолько очевиден и осязателен, что едва ли может многими быть отрицаем...

Рядом и одновременно с этим политическим направлением ваших правительств, нужно ли мне указывать на те внушения, на те стремления, которые безустанно стараются вселить германскому общественному мнению по отношению к России? В настоящую минуту я также воздержусь от оценки по достоинству тех жалоб и обвинений всякого рода, которые не перестают возводить на нее с истинно замечательным постоянством. Здесь вопрос заключается собственно в достигнутых результатах. Следует сознаться, что эти результаты если и не утешительны, зато полны, так что их виновники могут похвалиться своими трудами.

То государство, которое великое поколение 1813 г. приветствовало с благодарным восторгом, ту державу, верный союз и деятельная, бескорыстная дружба которой в течение 30-ти лет неизменно принадлежали как народам, так и государям Германии, удалось с помощью припева, постоянно повторяемого настоящему поколению при его рождении, почти удалось, говорю я, эту же самую державу преобразовать в чудовище

для большинства людей нашего времени, и многие, уже возмужалые умы не усомнились вернуться к простодушному ребячеству первого возраста, чтобы доставить себе наслаждение взирать на Россию, как на какого-то людоеда XIX века. Все это положительно верно. Враги России, быть может, возликуют ввиду этих признаний; но прошу позволения продолжать.

Итак, вот два направления, вполне противоположных (разъединение очевидно и возрастает ежедневно): с одной стороны, у вас государи, правительство Германии, с их строгою, обдуманною политикою, с их определенным направлением; с другой, этот владыка нашего времени — общественное мнение, которое склоняется туда, куда влекут его ветры и волны. Позвольте мне, милостивый государь, обратиться к вашему патриотизму и к вашим познаниям и спросить вас, что вы думаете о подобном порядке вещей? Каких последствий ожидаете вы от него для благоденствия, для будущности вашего отечества? При этом поймите меня, что дело идет в настоящую минуту об одной лишь Германии. Боже мой! Если бы у вас могли догадаться, в какой степени все эти нападения мало чувствительны для России: быть может, даже самые ярые противники ее призадумались бы.

Очевидно, что, покуда мир не будет нарушен, это разномыслие не может привести к какому-нибудь важному и явному расстройству: зло будет распространяться под землю. Ваши правительства, разумеется, не изменят своего направления, не пожелают возмутить весь строй внешней политики Германии, чтобы достигнуть соглашения с некоторыми фанатичными, беспорядочными умами; а последние, с своей стороны, под влиянием противоречия, будут увлекаться настроением, противоположным тому, которое они осуждают, и, таким образом, продолжая повторять о германском единстве, со взорами, постоянно обращенными к Германии, они приблизятся, так сказать, в обратном направлении к роковой стезе, к

краям пропасти, в которую ваше отечество уже неоднократно низвергалось... Я знаю, что, покуда мы сохраняем мир, указываемая мною опасность будет казаться воображаемою; но если настанет кризис, предчувствуемый Европою, если наступят те бурные дни, которые создают все в несколько часов, которые вырывают последнее слово у всех мнений, у всех партий,— что будет тогда, милостивый государь?.. Ужели правда, что для целых народов еще более, чем для отдельных личностей, существует злополучная судьба, неумолимая, неизгладимая? Следует ли верить, что она преисполнена таких стремлений, которые сильнее всякой воли и всякого благоразумия, преисполнена органических недугов, которые никакое искусство и система управления не могут отразить? Ужели таков должен быть удел этого стремления к разрушению, которое, подобно роковому фениксу, постоянно восстает во все великие исторические эпохи вашего благородного отечества? Это стремление, которое возникло в средние века путем нечестивой и антихристианской борьбы духовенства с империею, которое вызвало эту смертоносную распрю между императором и государями, которое, ослабев на время при всеобщем изнурении Германии, вновь окрепло и расцвело благодаря реформации и, восприняв от нее окончательную форму (так сказать, законное посвящение), принялось за дело с большим, чем когда-либо, рвением, укрываясь под всяким знаменем, хватаясь за всякий предлог, оставаясь тем же под разными названиями до той поры, когда, по достижении конечного удара в тридцатилетнюю войну, оно призывает к себе на помощь чужеземца — Швецию, потом приобщает к себе противника — Францию и, благодаря этому сочетанию сил, довершает со славою менее чем в два столетия смертоносное призвание, на него возложенное!

Поистине роковые воспоминания! Каким образом не ощущаете вы, ввиду подобных воспоминаний, ужаса при малейшем признаке, возвещающем возрождение этой ненависти в общем настроении вашей страны? Ужели не

спросите вы себя со страхом, не пробуждение ли это вашего прежнего страшного недуга?

Истекшие ныне тридцать лет могут по справедливости быть причтены к лучшим годам вашей истории; со времен славного царствования салических императоров ⁴ никогда еще лучшие дни не озаряли Германии, никогда еще она в такой степени не принадлежала самой себе, не сознавала себя столь *единою*, столь самостоятельною; в течение многих столетий она не имела столь твердого, столь значительного положения относительно своей старинной соперницы. Она всюду ее сдерживала. Взгляните даже по ту сторону Альп, и там ваши славнейшие императоры никогда не проявляли более действительной силы, чем та, которую располагает ныне одно из германских государств. Жители прирейнские вновь германцы и сердцем и душою; Бельгия, которая последним европейским потрясением казалась кинутою в объятия Франции, остановилась на пути, и теперь очевидно, что она к вам возвращается; Бургундский союз возобновляется; Голландия рано или поздно не может не примкнуть к вам. Таков конечный исход великого поединка, длившегося в продолжение двух веков между вами и Франциею, вы вполне восторжествовали, за вами осталось последнее слово... Но сознайтесь, однако: для всякого, кто следил за этою борьбою с самого начала, кто-наблюдал за всеми ее видоизменениями, за всеми ее превратностями до последнего рокового, решительного дня, подобный исход трудно было предвидеть. Внешние приметы говорили не в вашу пользу, успех склонялся не в вашу сторону; со времен средних веков могущество Франции, невзирая на временный застой, не переставало расти, сосредоточиваясь и совершенствуясь, и с той же самой поры империя, благодаря своим религиозным распрям, вступила в свой последний период законного разложения; даже победы, вами одерживаемые, оставались бесплодными для вас, потому что они не могли остановить внутреннего распада и часто даже способствовали к его

ускорению. При Людовике XIV, несмотря на все неудачи великого короля, Франция восторжествовала, ее влияние вполне поработило Германию; наконец настала революция, которая, истребив во французской национальности до корня последние следы ее германских начал и сродства и возвратив Франции ее исключительно романский характер, начала против Германии, против самого принципа ее существования последнюю борьбу, борьбу на жизнь и смерть... И именно с той минуты, когда венчаный воин этой революции на обломках империи, основанной Карлом Великим, разыгрывал пародию на империю великого Карла, вынуждая для большего унижения народы Германии принимать участие в этой пародии ⁵,— с этой именно минуты переворот совершился, и все изменилось!

Каким же образом совершился этот знаменательный переворот? Кем был он подготовлен?.. Он был подготовлен появлением третьей силы на поле битвы европейского Запада; но эта третья сила была целый особый мир...

Здесь, милостивый государь, для того, чтобы мы поняли друг друга, вы должны мне позволить краткое отступление. О России много говорят; в наше время она служит предметом пламенного, тревожного любопытства; очевидно, что она сделалась одною из главнейших забот нашего века; но эта забота, ни в чем не схожая с остальным, что его волнует (нельзя не сознаться), скорее гнетет его, чем возбуждает. И это не могло быть иначе. Современное настроение, детище Запада, чувствует себя в этом случае перед стихией если и не враждебной, то вполне ему чуждой, стихией, ему не подвластной, и оно как будто боится изменить самому себе, подвергнуть сомнению свою собственную законность, если оно признает вполне справедливым вопрос, ему предложенный, и если оно серьезно, добросовестно пожелало бы понять и разъяснить его... Что такое Россия? Каков смысл ее существования, ее исторический закон? Откуда явилась она? Куда стремится? Что выражает собою?.. Правда, что вселенная

указала ей видное место; но философия истории еще не соблаговолила признать его за нею. Некоторые редкие умы, два или три в Германии, один или два во Франции, более дальновидные, чем остальная масса умственных сил, провидели разгадку задачи, приподняли было уголок этой завесы; но их слова до настоящей минуты мало понимались или им не внимали!..

В течение весьма долгого времени понятия Запада о России напоминали в некотором смысле отношения современников к Колумбу. Это было то же заблуждение, тот же оптический обман. Вам известно, что очень долго люди Старого Света, при всем их восхвалении бессмертного открытия, упорно отказывались верить в существование нового материка; они находили более естественным и основательным предполагать, что вновь открытые страны составляют лишь дополнение, продолжение того же полушария, которое им уже было известно. Такова же судьба и тех понятий, которые составили себе о том другом новом свете — восточной Европе, где Россия во все времена служила душою и двигательною силою и была призвана придать ему свое имя, в награду исторического бытия, этим светом от нее уже полученного или ожидаемого. В течение целых столетий европейский Запад с полнейшим простодушием верил, что не было и не могло быть другой Европы, кроме его. Правда, ему было известно, что за его пределами существовали еще народы и государи, называвшие себя христианами; во времена своего могущества он касался границ этого неведомого мира, отторг даже от него несколько клочков и присвоил их себе, стараясь исказить и подавить их национальный характер; но чтобы вне этих крайних пределов существовала другая Европа, восточная Европа, законная сестра христианского Запада, христианская, как и он, правда не феодальная и не иерархическая, но по тому самому еще более искренно-христианская; чтобы существовал там целый *мир, единый* по своему началу, солидарный в своих частях,

живущий своею собственною органическою, самобытною жизнью — этого допустить было невозможно, и многие поныне готовы в том сомневаться... Долгое время это заблуждение было извинительно; в продолжение целых веков созидающая сила оставалась как бы схороненной среди хаоса; ее действие было медленно, почти незаметно; густая завеса скрывала тихое созидание этого мира... Но наконец, когда судьбы свершились, рука исполина сдернула эту завесу, и Европа Карла Великого очутилась лицом к лицу с Европою Петра Великого!

Тогда как скоро открытие совершилось и все сделалось ясным, понятным, не могла не уясниться действительная причина этих быстрых успехов, этого необычайного расширения России, поразивших вселенную изумлением; сделалось очевидным, что эти мнимые завоевания, эти мнимые насилия были делом самым органическим, самым законным, какое когда-либо совершалось в истории; что состоялось просто громадное воссоединение (Restauraton). Сделалось равно понятным, почему погибли и исчезли от ее руки все встреченные Россиею на своем пути противоестественные стремления, правительства и учреждения, изменившие великому началу, которого она была представительницею, почему Польша должна была погибнуть; не самобытность ее польской народности,— чего Боже сохрани! — но ее ложное образование, та ложная национальность, которая была ей привита.

С этой же точки зрения всего лучше будет оценить истинное значение того, что называют восточным вопросом, который желают считать неразрешимым именно потому, что все уже давно провидели его неизбежное разрешение. И подлинно, остается только узнать, что Восточная Европа, уже на три четверти установившаяся, эта действительная империя Востока, для которой первая империя византийских кесарей, древних православных императоров, служила лишь слабым, неполным начертанием, что восточная Европа получит свое последнее, самое существенное

дополнение ⁶, и получит ли она его путем естественного хода событий или будет вынуждена достигнуть его силою оружия, подвергая мир величайшим бедствиям. Но вернемся к нашему предмету.

Вот, милостивый государь, какова была та третья сила, появление которой на сцене действия внезапно разрешило вековую распрю европейского Запада. Одно лишь появление России среди вас восстановило единство, а единство доставило вам победу.

Итак, чтобы дать себе ясный отчет в современном ходе вещей, нельзя достаточно проникнуться тою истиною, что со времени этого установившегося вмешательства Востока в дела Запада все изменилось в Европе; до тех пор вас было двое, а теперь нас трое, и долгие годы борьбы сделались невозможными.

Из этого порядка вещей могут вытекать только следующие три единственно возможные отныне исхода. Германия, верная союзница России, сохранит свое преобладание в центре Европы, или это преобладание перейдет на сторону Франции. И знаете ли вы, милостивый государь, чем бы выразилось для вас это превосходство Франции? То была бы если не внезапная гибель, то положительно изнурение Германии. Остается другой исход, быть может, и заманчивый в глазах некоторых людей,— Германия в союзе с Францией против России... Увы! Эта комбинация уже была испытана в 1812 году и, как вам известно, имела мало успеха; притом не думаю, чтобы по истечении ныне пройденных тридцати лет, Германия была расположена признать возможность существования нового Рейнского союза, так как всякое тесное сближение с Франциею не может выразиться чем-либо иным для Германии. А знаете ли вы, что именно Россия имела в виду, когда она вмешалась в эту борьбу, предпринятую этими двумя началами, этими двумя великими народностями, оспаривающими друг у друга европейский Запад, и решила эту распрю в пользу Германии и германского начала? Она хотела раз 'навсегда утвердить торжество права

исторической законности над революционным движением. И почему она этого хотела? Потому, что право, историческая законность, это ее собственное призвание, назначение ее будущности, это то право, которого она требует для себя и для своих. Только одно слепое невежество, умышленно отводящее свои взоры от света, может ныне отвергать эту великую истину; потому что не во имя ли этого права, этой исторической законности, Россия восстановила целую народность, целый мир, готовый пасть? Не она ли призвала его к жизни самобытной, не она ли вернула ему его самостоятельность и организовала его? И во имя того же права, она всегда сумела воспрепятствовать тому, чтобы виновники политических опытов не успевали отторгнуть или совратить целые народности от центра их установившегося единства и затем перекроить их по воле их бесчисленных фантазий, как предметы неодушевленные; словом, чтобы они не могли отделить живые члены от туловища, которому они принадлежат, под предлогом сообщить им более свободы в движениях.

Бессмертною заслугою монарха, находящегося ныне на престоле России, служит то, что он полнее, энергичнее всех своих предшественников проявил себя просвещенным и неумолимым представителем этого права, этой исторической законности ⁷. Раз, что выбор был им сделан, Европе известно, оставалась ли Россия ему верна в течение тридцати лет? Позволительно утверждать с историею в руках, что в политических летописях вселенной трудно было бы указать на другой пример союза столь глубоко нравственного, как тот, который связует в продолжение тридцати лет государей Германии с Россиею, и, благодаря именно этому великому началу нравственности, он был в силах продолжаться, разрешил многие затруднения, преодолел немало препятствий. И ныне, испытав и радостные, и горькие случайности, этот союз восторжествовал над последним, самым значительным испытанием, и призвание, служившее

ему основой, перешло всецело и неизменно от первых его основателей к их преемникам.

Прошу вас, милостивый государь, спросите ваши правительства, ослабевала ли на одно мгновение в эти тридцать лет заботливость России о великих политических интересах Германии? Спросите людей, стоявших у кормила правления, не превосходила ли эта заботливость неоднократно и по многим вопросам ваши собственные патриотические стремления? Вот уже несколько лет, что вы сильно озабочены в Германии великим вопросом германского единства: но вы очень хорошо знаете, что это не всегда так было; и мне, давно уже проживающему среди вас, возможно было бы в крайнем случае определить тот именно момент, когда вопрос начал волновать умы. Очевидно, что мало было речи об этом единстве, по крайней мере в печати, в ту эпоху, когда всякое либеральное издание считало себя по совести обязанным пользоваться всяким удобным случаем, чтобы обратиться к Австрии и ее правительству те же оскорбления, которые расточают ныне России. Это бесспорно весьма похвальная и законная забота, но возникшая с недавнего времени. Правда, что Россия никогда не проповедовала единства Германии; но в продолжение тридцати лет она не переставала при всяком случае и на все лады внушать Германии согласие, единодушие, взаимное доверие, добровольное подчинение частных интересов великому вопросу всеобщего *блага*, и эти советы, эти убеждения она неустанно повторяла и умножала энергическою откровенностью того усердия, которое сознает свое полнейшее бескорыстие.

Книга, которая несколько лет тому назад пользовалась большою известностью в Германии и которой ошибочно приписывали официальное происхождение, по-видимому, утвердила между вами убеждение, что Россия одно время приняла за правило привлекать к себе исключитель-

но второстепенные германские правительства, в ущерб законному влиянию двух великих государств союза ⁸; но подобное предположение было вполне напрасное и даже совершенно несогласное с действительностью. Переговорите об этом с людьми сведущими, и они скажут вам, в чем дело; быть может, даже они сообщат вам, что русская политика, в ее постоянной заботливости об упрочении главным образом политической самостоятельности Германии, рисковала подчас раздражением некоторой извинительной щекотливости, советуя с излишнею настойчивостью мелким дворам Германии безусловно подчиниться системе двух великих держав. Едва ли не будет уместно оценить здесь по достоинству другое обвинение, тысячу раз возводимое на Россию и не более справедливое: чего не было только говорено, чтобы распространить убеждение, будто ее влияние главнейшее воспрепятствовало развитию в Германии конституционного начала? В общем смысле более чем безрассудно стараться превращать Россию в систематического противника той или другой правительственной системы. И каким образом, великий Боже, стала бы она тем, что она есть, и могла бы проявлять то влияние над вселенной, которое ей принадлежит, при подобной узости понятий? Наконец, переходя в частности к данному случаю, следует по справедливости заметить, что Россия постоянно энергически отстаивала искренне сохранение существовавших учреждений, религиозное уважение к принятым на себя обязательствам; затем легко возможно, что, по мнению ее, было бы неосторожно, по отношению к самому существенному интересу Германии, ее единству, позволять парламентским преимуществам в конституционных государствах союза расширяться до той степени, какой они достигли, например, в Англии или во Франции; что если даже и теперь не всегда оказывалось удобным установить между правительствами то согласие, то полнейшее взаимное понимание, которое требуется при совместной деятельности, то задача эта сделалась бы вполне нерешимой в Германии

порабощенной, т. е. раздробленной полудюжиною господствующих парламентских трибун. Подобная истина уже признана ныне всеми лучшими умами Германии, и вина России могла состоять лишь в том, что она уразумела ее десятью годами прежде.

Если мы теперь перейдем от внутренних вопросов к внешнему положению, говорить ли мне вам, милостивый государь, об июльской революции⁹, о тех возможных последствиях, которые она могла бы иметь, но не имела для вашего отечества? Следует ли вам указывать, что основанием к этому взрыву, душою этого движения служило главным образом стремление овладеть снова тем преобладанием на Западе, которым так долго пользовалась Франция и которое она, к великой досаде, признавала перешедшим в продолжение 30-ти лет в ваши руки? Конечно, я отдаю полную справедливость королю французов, удивляюсь его ловкости, желаю долгих дней и ему и его системе... Но что случилось бы, если бы всякий раз, когда французское правительство начиная с 1835 года пыталось переносить свои взоры за пределы Германии, оно не встречало бы на престоле России тот же твердый и решительный образ, ту же Осторожность, ту же холодность и, главное, то же постоянство относительно утвердившихся союзов и принятых на себя обязательств? Если бы оно могло уловить одно мгновение сомнения, колебания, не думаете ли вы, что и сам Наполеон мира не мог бы постоянно сдерживать эту содрогавшуюся под его рукою Францию и что он не дал бы ей воли?.. А что бы еще было, если бы он мог рассчитывать на сочувствие?..¹⁰

Я находился в Германии, милостивый государь, в ту минуту, когда г. Тьер, следуя, так сказать, инстинктивному влечению, готов был совершить то, что ему казалось так просто и так естественно, а именно: возместить на Германии свою неудачу на Востоке. Я был свидетелем этого взрыва, этого истинно национального негодования, возбужденного среди вас этою наивною дерзостью, и я радуюсь, что присутствовал при этом: с тех пор я

всегда с большим удовольствием слышал пение «Rheinslied» ". Но может ли быть, чтобы наша политическая журналистика, которая знает все, которой, например, известно, сколько именно кулачных ударов нанесли взаимно друг другу на границе Пруссии русская таможенная стража и прусские контрабандисты; каким образом, говорю я, она могла не знать того, что произошло в то время между германскими правительствами и Россией? Как могла она не знать или не сообщить вам, что, при первом враждебном проявлении со стороны Франции, 80 тысяч русского войска должны были выступить на помощь вашей самостоятельности, подвергавшейся опасности, и что 200 тысяч человек должны были следовать за ними через шесть недель? И это обстоятельство не оставалось неизвестным для Парижа, милостивый государь, и, быть может, вы согласитесь со мною, как бы я высоко ни ценил «Rheinslied», что оно немало способствовало к тому, чтобы убедить старинную «Марсельезу» в необходимости быстрого отступления перед своею юною соперницею.

Я коснулся вашей печати; но прошу вас, милостивый государь, не думать, что я систематически предубежден против немецкой печати или что я сохраняю к ней дурное чувство за ее невыразимое нерасположение по отношению к нам. Нисколько, могу вас уверить. Я очень расположен воздать ей должную хвалу за ее добрые свойства и желал бы приписать отчасти ее заблуждение и увлечения той исключительной системе, при которой она действует. Конечно, в вашей периодической печати нет недостатка ни в таланте, ни в идеях, ни даже в патриотизме; во многих отношениях она — законное детище вашей возвышенной великой литературы, той литературы, которая восстановила среди вас сознание вашего национального тождества. В чем ваша печать нуждается в высшей степени — это в политическом такте, в живом и верном понимании действительного положения своего в той среде, в которой ей приходится действовать в данную минуту: а потому в ее выражении и в ее

направлении проглядывает нечто непрозорливое, необдуманное, быть может, как следствие той опеки, которой ее подвергают.

И точно, чем другим, если не подобным сознанием своей нравственной безответственности, можно объяснить себе это пламенное, слепое, неистовое, враждебное настроение, которое она в продолжение стольких лет выражает против России? Зачем? С какою целью, в пользу чего? Останавливалась ли она когда-нибудь с должным вниманием, с точки зрения политических интересов Германии, на возможных, даже вероятных последствиях того, что она делает? Приходило ли ей когда-нибудь на мысль спросить себя серьезно, когда она напрягает все свои силы в течение многих лет с таким невероятным упорством к тому, чтобы раздражить, отравить и безвозвратно расстроить взаимные отношения двух государств,— не содействует ли она разрушению в самом его основании того начала союза, на котором зиждется и покоится относительное значение Германии в глазах Европы? Не стремится ли она заменить всеми от нее зависящими силами счастливейшую политическую комбинацию, которую история когда-нибудь могла создать для вашего отечества, наиболее пагубною для вас системою? Эта неудержимая неосмотрительность не напоминает ли вам, милостивый государь (конечно, в менее привлекательном виде), одну шалость из детства вашего великого Гёте, столь мило рассказанную в его «Записках»; вспоминаете ли вы тот день, когда маленький Вольфганг, оставшись один в отцовском доме, не нашел лучшего способа пользоваться досугом, предоставленным ему родителями, как бросать в окно одну за другой все хозяйственные принадлежности своей матери, попадавшиеся ему под руку, очень забавляясь и потешаясь тем треском, который они производили, падая и разбиваясь на мостовой? Правда, что через улицу находился в доме коварный сосед, который ободрял ребенка продолжать это остроумное

занятие; но вы, милостивый государь, не имеете даже в извинение ваше и подобного вызывающего влияния.

Если бы еще можно было среди этого взрыва враждебных воплей указать на какой-нибудь благоразумный, основательный повод к подобному разглагольствованию! Я знаю, что в крайнем случае я найду безумцев, которые готовы мне возразить: «Мы обязаны вас ненавидеть; ваше основное начало, самое начало вашей цивилизации внушает нам, немцам, западникам, отвращение; у вас не было ни *феодализма*, ни *папской иерархии*; вы не испытывали ни борьбы *религиозной*, ни войн *империи*, ни даже *инквизиции*; вы не принимали участия в крестовых походах, вы не знавали рыцарства; вы четыре столетия тому назад достигли того единства, к которому мы еще теперь стремимся; ваше основное начало не уделяет достаточного простора личной свободе, оно не допускает возможности разъединения и раздробления». Все это так, но, по справедливости, воспрепятствовало ли все это нам искренно и мужественно пособлять вам при случае, когда требовалось отстоять, восстановить вашу политическую самостоятельность, вашу национальность? И теперь вам не остается ничего другого, как признать нашу собственную. Будем говорить серьезно, потому что предмет этого заслуживает. Россия вполне готова уважать историческую законность народов Запада; тридцать лет тому назад она с вами вместе заботилась о ее восстановлении, о ее водворении на прежних основах; следовательно, она действительно расположена уважать ее не только в принципе, но даже со всеми ее крайними последствиями, даже с ее увлечениями и слабостями; но и вы, с своей стороны, должны учиться уважать нас в нашем единении и нашей силе!

Но мне скажут, что несовершенства нашего общественного строя, недостатки нашей администрации, положение низших слоев нашей народности и проч., что все это в совокупности раздражает общее мнение против России? Неужели? Возможно ли, чтобы мне, готовому жаловаться на

избыток недоброжелательства, пришлось бы тогда протестовать против излишнего сочувствия? Потому что в конце концов мы не одни на белом свете, и если уже вы обладаете таким чрезмерным запасом сочувствия к человечеству, если вы не находите ему помещения у себя и в свою пользу, то не сочли ли бы вы более справедливым разделить его между всеми народами земли? Все они заслуживают сожаления. Взгляните, например, на Англию! Что вы о ней скажете? Взгляните на ее фабричное население, на Ирландию; и если бы вам удалость вполне сознательно подвести итоги в этих двух странах, если бы вы могли взвесить на правдивых весах злополучные последствия русского варварства и английского просвещения, быть может, вы признали бы более своеобразности, чем преувеличения, в заявлении того человека ¹², который, будучи одинаково чужд обеим странам и равно их изучивший, утверждал с полнейшим убеждением, что в Соединенном Королевстве существует по крайней мере миллион людей, которые много бы выиграли, если бы их сослали в Сибирь!..

Увы, милостивый государь, почему вы, немцы, пользуясь во многих отношениях таким бесспорным превосходством над вашими соседями по ту сторону Рейна, почему не можете вы позаимствовать у них некоторой доли практического благоразумия, того живого, верного сознания своих интересов, которое их отличает? У них также существует печать, журналы, которые нас оскорбляют, раздирают на клочки взапуски, без усталости, без меры и стыда. Взгляните на это стоглавое чудовище парижской прессы, извергающей пламя и вопли против нас. Какое ожесточение! Какие громы! Какой треск!.. И что же? Приди сегодня же Париж к убеждению, что столь пламенно желаемое сближение может состояться, что столь часто делаемые в этом смысле нам предложения приняты, и с завтрашнего дня вы увидите, что этот вопль ненависти умолкнет, весь этот блестящий фейерверк оскорблений угаснет и из этих угасших кратеров, из этих

умиротворенных уст, с последним клубом дыма начнут исходить звуки, настроенные на разные лады, но все одинаково благозвучные, восхваляющие друг перед другом наше счастливое примирение!

Но это письмо слишком длинно, пора кончить. Позвольте мне, милостивый государь, в заключение выразить мою мысль в нескольких словах.

Я обратился к вам, не имея в виду другой цели, кроме того, что внушает мне мое свободное и личное убеждение. Я не состою ни в чем распорядке; я не служу ничьим органам; моя мысль зависит лишь от себя самой; но я, конечно, вполне убежден, что общественное мнение не затруднилось бы признать содержание этого письма, если бы оно было известно в России. До сих пор русское мнение слабо возмущалось этими возгласами германской печати не потому, чтобы оно относилось равнодушно к мнениям и чувствам Германии, конечно, нет; но ему не хотелось придавать серьезного значения всему этому треску, всем этим словоизвержениям, всей этой пальбе на воздухе против России; оно принимало все это разве только за какую-то не вполне приличную потеху. Русское общественное мнение положительно отказывается допустить, чтобы степенная, серьезная, честная, вполне правдивая нация, какую наконец известна миру Германия во все эпохи своей истории, чтобы эта нация, говорю я, могла отрешиться от своей природы и усвоить себе другую, созданную по образцу нескольких мечтательных или нестройных умов, нескольких странных или недобросовестных крикунов, чтобы Германия, отказываясь от своего прошлого, не сознавая настоящего и искажая будущее, согласилась признать и питать дурное чувство, недостойное ее, единственно из удовольствия совершить великий политический промах. Нет, это невозможно!

Я обратился к вам, милостивый государь, потому, что, по мнению моему, «Всеобщая Газета» более, чем периодическое издание для Германии; это сила и сила, которая (я весьма охотно это сознаю) соединяет в высокой

степени национальное чувство и политическое понимание. И потому я старался отнестись к вам во имя этого двойного значения.

Расположение умов, которое создано и которое старается распространить в Германии по отношению к России, еще не составляет прямой опасности, но оно весьма легко может сделаться таковою. Это расположение умов не изменит ни в чем (я в этом убежден) отношений, ныне существующих между германскими государствами и Россиею; но оно ведет к тому, чтобы все более и более искажать политическое сознание по одному из важнейших для каждого народа вопросов, по вопросу о его союзах. Представляя в самом лживом свете самую национальную политику, которую Германия когда-либо соблюдала, оно ведет к тому, чтобы произвести разъединение умов, чтобы направить всех пламенных и безрассудных на стезю, исполненную опасностей, стезю, где судьбы Германии уже не раз подвергались крушению. А что, если возникнет новое потрясение в Европе или вековая распря, решенная 30 лет тому назад в вашу пользу, вновь возгорится? Россия, конечно, не отступится от ваших государей, точно так же, как они не отстанут от России; но тогда-то придется, вероятно, пожинать плоды того, что ныне посеяно: разъединение умов принесет плоды, и они могли бы оказаться весьма горькими для Германии; наступили бы новые отпадения и новые смуты. И тогда вам пришлось бы слишком тяжелым путем искупать вашу минутную несправедливость по отношению к нам.

Вот, милостивый государь, что мне было желательно вам высказать. Вы можете сделать из моей речи то употребление, которое сочтете наиболее приличным.

1844